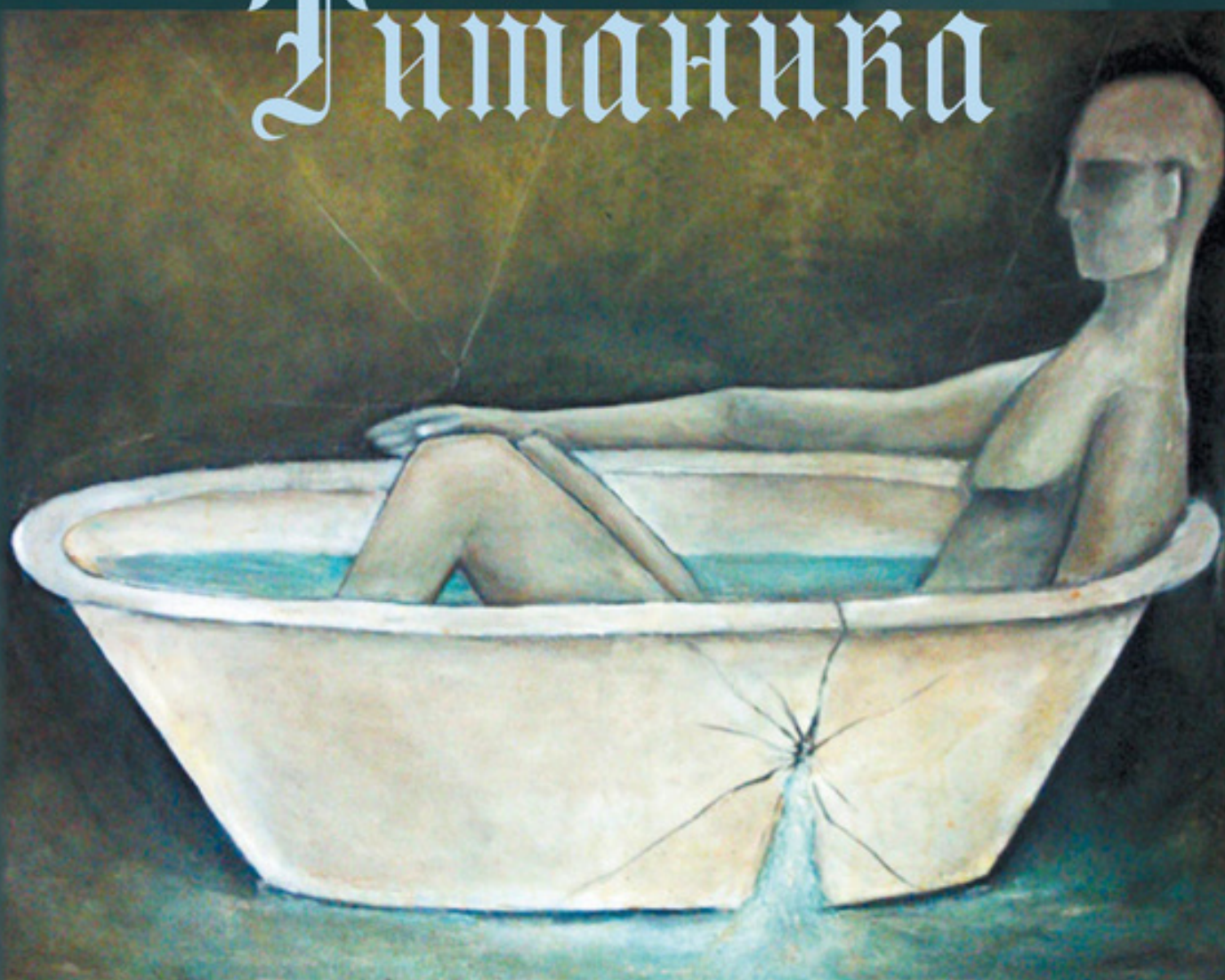

Валерий Лейбин

Синдром Титаника

COGITO
CENTRE

Валерий Лейбин
Синдром Титаника

«Когито-Центр»

2013

Лейбин В. М.

Синдром Титаника / В. М. Лейбин — «Когито-Центр», 2013

ISBN 978-5-89353-392-7

В книге содержатся наблюдения, переживания и размышления психопсихиатра, находящегося в городской больнице, куда он был доставлен по «скорой помощи». Речь идет не о психопсихиатрических историях, чему были посвящены такие публикации автора, как «Превратности любви» (2011) и «Возмездие фаллоса» (2012), а об истории болезни пациента, его самоанализе и усилиях, направленных на преодоление недуга.

ISBN 978-5-89353-392-7

© Лейбин В. М., 2013

© Когито-Центр, 2013

Содержание

Городская клиническая больница	5
Аритмогенный коллапс	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Моисеевич Лейбин

Синдром Титаника

Городская клиническая больница

Полузабытье. Проблеск сознания, пытающегося прорваться сквозь дрему. Вялая мысль о необходимости открыть глаза.

«Открыть глаза? Зачем? Для чего? С какой стати? Что за необходимость возвращаться в реальность?» – с каким-то безразличием и в то же время непонятным беспокойством Владислав Левин обращался к самому себе.

Испытывая тяжесть во всем теле и находясь в полусонном состоянии, он никак не мог понять, где находится и что с ним происходит. Однако пробудившаяся мысль сверлила его мозг:

«Скоро должен прийти очередной пациент? Через сколько минут? И вообще, который сейчас час?»

Медленно, с большей неохотой Левин разжал веки и открыл глаза. Его бесцельный взгляд скользнул по блеклой шторе, прикрывающей большое окно. В недоумении он чуть приподнял голову и, опершись на локти, уставился на противоположную стену, у которой разделенные друг от друга тумбочками стояли три кровати. На одной из них поверх одеяла лежал тучный мужчина, живот которого поднимался в такт его сиплого, чуть с присвистом дыхания.

Еще не до конца придя в себя, Левин все же понял, что находится не у себя дома в привычной обстановке, а где-то, куда попал отнюдь не по своей воле. Прервав дрему, пронзительная мысль расставила все по своим местам: «Нет, никто из пациентов не придет на прием. Как это ни прискорбно, но сейчас я сам являюсь пациентом. Лежу в городской больнице, хотя толком не понимаю, что тут делаю и как дошел до жизни такой».

Испытывая неприятные ощущения в левой руке и увидев проступающую синеву вокруг вены, Левин вспомнил:

«Точно. Некоторое время тому назад находился под капельницей. Неудобное положение руки. Потом экзекуция прекратилась. Капельницу убрали. И, видимо, после этой процедуры немного вздремнул. Интересно, сколько времени прошло».

Придя в себя, Левин привстал, подложил подушку под спину и, удобно устроившись, оглянулся по сторонам.

Слева от него, через одну кровать, лежал мужчина. Его открытые глаза были устремлены в потолок, но, услышав шуршание, производимое манипуляциями Левина с подушкой, он бросил свой взгляд на соседа. Хотел что-то сказать, однако, видимо, передумав, опять уставился в потолок.

Левин вспомнил имя соседа по больничной палате – Виталий. Так представился вчера этот мужчина, на вид которому было лет 60. Худошавый, среднего роста, не обремененный печатью интеллекта, он с присущей ему легкостью и прямоотой постоянно сопровождал свое говорение матерными словами, которые, судя по всему, органически вплетались в его речь как нечто само собой разумеющееся.

Высматривая что-то на потолке, Виталий высвободил одну ногу из-под одеяла, почесал рукой пятку и, как бы разговаривая сам с собой, произнес:

– Ити твою мать! Задолбался лежать тут. Сдохнешь и никто, блин, не заметит. Коновалы грёбаные, вонючие.

После небольшой паузы, сопровождающейся почесыванием голой пятки, он вновь выдал:

– Вот и думаю, на кой ляд мне эта грёбаная больница. Две недели коту под хвост, а толку с гулькин нос... Лучше бы сидел дома, да трахал какую-нибудь бабу. А так получается, блин, что меня тут трахают в хвост и гриву. Эх, мать твою! Окончательно сбрендишь, едрёна вошь.

Он хотел продолжить свой монолог, но в этот момент дверь палаты распахнулась настежь и зычный женский голос донес благоую весть: «Обед!». Не обращая никакого внимания на обитателей палаты и оставив открытой дверь, женщина устремилась дальше по коридору и, открывая двери других палат, монотонно, но громко, как попугай, повторяла: «Обед!».

Виталий тут же встрепенулся, сел на кровать, надел на ноги тапочки и со словами «обед – дело святое, не пожрешь – подохнешь» зашаркал по направлению к туалету.

В это время пробудился лежащий в палате грузный мужчина неопределенного, скорее всего, предпенсионного возраста. С трудом оторвавшись от подушки и сев на кровать, он смахнул с одутловатого лица капельки пота и, молча, ничего не сказав, стал искать свои тапочки. Найдя их, кряхтя и охая, не без труда надел на распухшие ноги и попытался встать с кровати. Это удалось ему сделать с третьей попытки, после чего также молча он открыл свою тумбочку, взял пачку сигарет и медленно побрел к выходу.

Не успел он сделать несколько шагов, как из туалета вышел Виталий, который тут же изрек:

– Что, мать твою, жив, курилка грёбаный? Пойдем покурим, блин, пока не принесли шамовку. Отравимся немного, едрёна вошь.

Не дожидаясь ответа, он вышел из палаты. Оба мужчины, не спеша, пошли по коридору в сторону лифта.

Левин проводил обоих мужчин заинтересованным взглядом. В самом деле, любопытные экземпляры. Как он успел заметить, их поведение было довольно странным в том отношении, что оба обедали не в столовой, как это делали те больные, которые относились к числу ходячих. Они предпочитали, чтобы им приносили завтрак, обед и ужин в палату, хотя несколько раз за день выходили курить на улицу, для чего им приходилось спускаться на лифте с четвертого этажа.

Судя по всему, вначале, когда они оказались в городской больнице, в силу их обессиленного состояния им было предписано лежать и меньше двигаться. После завершения приема пищи в столовой ходячими больными раздатчица разносила питание по палатам для тех, кто не вставал с постели. Если Виталий нередко выходил в коридор, где можно было посидеть и пообщаться с больными из других палат, то грузный мужчина, которого, как оказалось, зовут Николаем, в основном, за исключением перекура на улице, лежал на кровати. Причем не просто лежал, а как правило, спал. Удивительно, но он умудрялся засыпать даже тогда, когда лежал с капельницей. Не переворачиваясь, лежа на спине, сопя, а подчас и вовсю храпя, он каким-то непостижимым образом умудрялся удерживать руку с воткнутой в вену иглой в неизменном положении. И только с приходом медсестры, которая будила его, чтобы освободить руку от иглы и унести из палаты капельницу, он пробуждался, какое-то время молча лежал на кровати, затем переворачивался на бок и снова засыпал.

«Вот такие соседи по палате, – мысленно отметил Левин. – Палата шестиместная, а нас трое. Вполне сносно, если не считать, что ночью неожиданно громкие всплески храпа постоянно посапывающего Николая прерывали сон. Но что поделаешь! Соседей по несчастью не выбирают».

Что касается материщины Виталия, без которой, судя по всему, его говорение теряло всякий смысл, то она не коробила Левина. Напротив, несмотря на банальное повторение одних и тех же нецензурных слов, которые сопровождали речь соседа по палате, он с любопытством прислушивался к построению его фраз, отмечая про себя лишь их примитивность и предугадывая, каким выражением будет сопровождаться его последующее высказывание.

Сам Левин крайне редко прибегал к изящным украшениям русского языка. Если это и случалось, то, как правило, произносилось им мысленно, а не вслух. При этом он часто вспоминал некогда в детстве услышанное и навсегда отложившееся в его памяти выражение: «Ангидрит твою перекись марганца, хамаршельда мать ити у гроба доллар мать марионетка».

«Да, – отметил про себя Левин. – Сегодня это выражение вряд ли будет понятно молодежи. Кто из молодых людей знает, что Хамаршельд – это фамилия человека, некогда возглавлявшего ООН. Во многих случаях в лексикон молодежи входят настолько краткие и прямые нецензурные словоупотребления, что просто диву даешься, как они умудряются одними и теми же словами выражать разнообразные чувства. Порой, идя по улице, встречаешь группу молодежи, юношей и девушек, которые, обращаясь друг к другу, обходятся буквально несколькими выражениями, когда в предложении, состоящем, скажем, из семи-восьми слов, пристойно звучит лишь „и“, соединяющее остальные нецензурные и слэнговые слова».

Левин вспомнил, как несколько дней тому назад по дороге из дома в метро его обогнали молодые люди. Судя по всему, это были студенты, спешившие по своим делам после занятий в Университете нефти и газа. Продолжая рассказывать какую-то историю и показывая рукой определенный жест, к которому часто прибегают герои американских и итальянских фильмов, один из них произнес:

– Сечете, этот долбаный педик вместо того, чтобы вставить ей пистон и трахнуть тёлку, обоссался со страха. Вот мудила! Кастрат недоделанный!

Хохот его спутников заглушил дальнейшие нецензурные выражения молодого человека, который, хвастаясь своей практикой обращения с женским полом, говорил о том, что бы он сделал, будь на месте того, о ком рассказывал. Гогоча во все горло, парни ускорили шаг и скрылись из поля зрения Левина.

«Стоп, – прервал он свои воспоминания. – Пора идти на обед».

Левин встал с кровати, надел брюки, пошел в ванную комнату, точнее, в душевую, тщательно вымыл руки и вернулся обратно. Взял с тумбочки кружку и ложку, после чего покинул палату и направился в столовую, которая находилась на том же этаже.

Получив у раздатчицы тарелку супа и второе блюдо, он подошел к одному из столов, за которым обедал пожилой мужчина.

– Если вы не возражаете, то позвольте присоединиться к вам, – вежливо, но с долей иронии обратился Левин к этому мужчине.

Тот пробурчал что-то невразумительное, означавшее то ли разрешение, то ли досаду на то, что его отвлекли от трапезы. Но поскольку ни за одним другим столом не было свободных мест, Левин поставил свои тарелки на этот стол, сходил за лежащим на подносе хлебом, налил из стоявшего рядом большого алюминиевого чайника компот в свою кружку и вернулся на выбранное место.

Пожелав сотрапезнику приятного аппетита и не услышав ничего в ответ, он принялся за обед, мысленно стараясь не поддаваться тому угрюмому настроению, которое исходило от напротив него сидящего пожилого, молча жующего мужчины. Рыбный суп и мясная котлета с пюре и тертой свеклой оказались не только вполне съедобными, но и на удивление вкусными, что не вписывалось в представления Левина о качестве еды в городских больницах, находящихся на дотации государства.

Покончив с обедом, Левин прошел в свою палату, вымыл кружку и ложку. Положив их в прикроватную тумбочку, он, немного подумав, решил прогуляться по территории больницы.

С одной стороны, в скором времени должны были принести обед в палату для Виталия и Николая, и ему не хотелось быть свидетелем ни их трапезы, ни их возможных комментариев по поводу больничной еды. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как или лечь на кровать и притвориться спящим, или выйти из палаты в коридор с целью послеобеденного променада.

С другой стороны, ласковое апрельское солнце так настойчиво заглядывало в окна палаты, что истосковавшиеся за зиму по солнечному теплу тело и душа Левина, нуждавшиеся в подпитке, как бы сами устремлялись на свежий воздух.

Все это способствовало принятию окончательного решения, в результате чего Левин решил погулять, тем более, что он чувствовал себя намного лучше по сравнению со вчерашним днем, когда в силу непонятных ему обстоятельств он оказался в больнице. И если вчера его голова и тело из-за внезапной слабости не позволяли ему делать резких движений, то сегодня, частично преодолевая себя, он мог позволить себе выйти из здания больницы, чтобы вдохнуть апрельский воздух и погреться на солнышке.

В отличие от своих соседей по палате, у которых были только тапочки, Левин был обладателем и пляжных шлепанцев, и кроссовок. Так получилось, что вчера его поместили в палату, не потребовав переодеть обувь и не забрав кроссовки, а также верхнюю часть спортивного костюма, надетого в спешке дома.

«Нет худа без добра – заметил про себя Левин. – Теперь я без проблем могу выйти на территорию больницы».

Он надел лежащую в тумбочке верхнюю часть спортивного костюма, положил кроссовки в целлофановый пакет и вышел из палаты. Пройдя по коридору до лифта и подождав несколько минут, пока дверь не открылась перед ним, Левин в гордом одиночестве доехал до первого этажа, беспрепятственно прошел мимо сидящего на вахте охранника, переобулся и оказался за пределами неврологического отделения больницы.

Как будто ожидая его прихода, источающее тепло солнце приветливо коснулось лица Левина и, словно заигрывая, своими бликами охватило пространство, которое образовалось между светом и тенью впереди стоящего корпуса больницы. Не решаясь сразу же на пешую прогулку, Левин огляделся и обнаружил клумбу, вокруг которой стояли скамейки. На одной из них сидели две женщины и о чем-то говорили.

Можно было сесть на другую, никем не занятую скамейку. Но она находилась в тени, и это не устраивало Левина, предпочитавшего погреть свои старые кости на весеннем солнышке. Поэтому, обнаружив, что вдоль здания больницы простирается длинная, опирающаяся на стойки металлическая труба, вполне пригодная для сидения, он, не долго думая, отошел подальше от входа и устроился на этом сооружении.

Нагретая солнцем труба вполне устраивала его. Подставив лицо солнечным лучам и наслаждаясь свежим воздухом, Левин закрыл от удовольствия глаза. Несколько минут он испытывал блаженство и покой, фактически ни о чем не думая. Отрешившись от всего и вся, находился в каком-то состоянии то ли нирваны, то ли прострации, пока данное состояние не прервалось не весть откуда появившейся мыслью, рано утром возникшей в его голове, но позднее отступившей на задворки сознания.

– Так что же произошло с тобой вчера? – вопрошал Левина внутренний голос, который показался ему одновременно своим и чужим.

Как будто два персонажа затаились в глубине его души и каждый по-своему пытается завладеть его вниманием.

– Ничего особенного, – ответил первый голос. – Не бери в голову, наслаждайся покоем, грейся на солнышке и не вспоминай о случившемся!

– Ну, ты даешь! – вклинился второй голос. – Находишься в городской больнице и даже не хочешь вспомнить, как здесь оказался.

– А чего тут вспоминать! Как говорил герой одного хорошо известного фильма: «Упал, очнулся, гипс».

– Почти так, только без гипса. Но разве тебе не хочется понять, как, в силу каких обстоятельств и почему ты обитаешь сейчас в неврологическом отделении городской больницы вместо того, чтобы быть у себя дома или на даче?

– Не ты первый и не ты последний. Многие люди попадают в больницу. И ничего. Живут, как миленькие. Некоторые даже отдыхают там от обременительных, загоняющих в болезнь домашних забот и неурядиц. Так что не парься! Прими все как должное!

– Прибереги свои советы для тех, кто действительно убегает в болезнь от скверны бытия. Какое это имеет отношение к случившемуся? Лучше вспомни, что произошло вчера, проанализируй. Думаю, что самоанализ не помешает тебе.

– Самоанализ. Да на кой он нужен! К тебе как психоаналитику приходят те пациенты, которые в попытках самоанализа оказываются в пучине самокопания, приводящего к различным психическим расстройствам. Ты тоже хочешь оказаться в подобной пучине?

– Ничего подобного. Любой нормальный человек нуждается в самоанализе. Психоаналитик не является исключением, тем более в том случае, когда он не по своей воле оказывается в больнице. Хочешь быть здоровым, разберись в причинах того, почему оказался на больничной койке.

– Не морочь голову работнику умственного труда. Отдыхай, пока есть такая возможность. Лови момент. Ни пациентов тебе, ни студентов, ни домашних заморочек. Ходишь на своих ногах, не лежишь пластом в отключке. Ласковое солнце, готовая еда, врачи и медсестры под рукой. Чего, как говорится, в другом не менее известном фильме, человеку надо?

– Не слушай его. Лучше вспомни все перипетии того инцидента, который обернулся тем, что ты пребываешь сегодня в городской больнице. Взгляни на них с позиций действительности и значимости бессознательных конфликтов и процессов, разыгрывающихся и протекающих в глубинах психики. Возможно, тебе не станет легче от этого, но зато ты поймешь, как дошел до жизни такой.

– Ага! Покопайся в себе. Думаешь, поможет? Только хуже станет. Смирись с тем, что есть, и не напрягайся по этому поводу. Чему быть, того не миновать. Наплюнь на все. Грейся на солнышке.

Подначивая друг друга, оба внутренних голоса зывали к разумности Левина. Они поперебой заявляли о своем существовании и праве быть услышанными. Первый голос успокаивал и своими аргументами убаюкивал Левина, призывая его к смирению и отрешению от размышлений по поводу случившегося. Он как бы говорил о необходимости жить настоящим, не обремененным ни прошлым, ни будущим. Второй голос, напротив, подталкивал его к воспоминаниям о вчерашнем дне, к самоанализу и рассудительности с целью предотвращения возможного повторения прошлого в будущем.

Левин вовсе не собирался погружаться в самоанализ в тот благодатный момент, когда ласковое апрельское солнце привело его в состояние покоя и блаженства. Он наслаждался предоставленной ему возможностью вырваться на свежий воздух из насыщенной запахами лекарств и хлорки больничной палаты. Поэтому, выслушав оба голоса, он не стал предпринимать ничего, что могло бы нарушить его благодатное состояние души.

Другое дело, что вольно или невольно перед его внутренним взором всплыла, пусть чуть размытая, но тем не менее достоверная картина того, что с ним произошло день тому назад.

Аритмогенный коллапс

Первый день, суббота.

Ночь прошла, как обычно. Утром проснулся задолго до того, как должен был прозвенеть будильник, поставленный на восемь часов. Небольшая зарядка, привычное отжимание от пола, водные процедуры и приготовленный женой завтрак. За пятнадцать минут до девяти часов утра уже сидел за компьютером, проверял подключение к Интернету и готовился к чтению курса лекций, предполагающего работу в Скайпе с группой слушателей, находящихся в другом городе. По предварительной договоренности продолжительность работы была рассчитана на восемь академических часов, что с получасовым перерывом на обед составляло целый рабочий день.

Без пяти минут до начала лекции была установлена видео– и аудиосвязь с руководителем группы. Затем потребовалось некоторое время для подключения к сети всех участников группы, хотя, как оказалось, если они видели его изображение на экранах своих компьютеров, то он, в свою очередь, имел возможность слышать всех, но видеть изображение только некоторых из них. Во всяком случае через руководителя группы, изображение которого было красочным и отчетливым, можно было общаться со всеми слушателями. В голосовом режиме выявилась готовность всех к началу работы, после чего он начал общение с аудиторией.

Первые 15–20 минут прошли в атмосфере эмоционального подъема, когда без какой-либо «раскачки», нередко имеющей место в подобных случаях и сопровождающейся установлением официальной дистанции между лектором и слушателями, собственное говорение все больше втягивало его самого в раскрепощенное общение с теми, кто находился по ту сторону экрана компьютера. От общих рассуждений на заданную тему он перешел к обсуждению конкретных проблем.

Однако через какое-то время Левин неожиданно почувствовал прилив тепла, волнами расходящегося по телу. Пересохло во рту, стало трудно говорить. Он потянулся к ранее приготовленной чашке с кипяченой водой и, извинившись перед слушателями, сделал несколько глотков. После паузы продолжил изложение своих мыслей, но ощутил, что нить говорения разрывается на части. По ходу лекции он пытался бороться с испытываемыми затруднениями. Еще немного – и жар отступит, все нормализуется, и он сможет в привычном для себя ритме продолжить общение со слушателями. Но перед глазами начинают расплываться ассиметричные пятна, в голове появляется туманная дымка и в какой-то не фиксируемый сознанием момент он проваливается в бездну.

Неизвестно, сколько прошло минут с тех пор, как он впал в бессознательное состояние, но следующее, что стало доступно его сознанию, – это издали доносящийся голос дочери: «Папа, что с тобой?». Еще не понимая, где находится и что произошло, он услышал другой тревожный голос, разговаривающий с кем-то по телефону. Чуть позднее понял, что это жена звонит в «скорую помощь» и диктует адрес.

Пришел в себя. Оказывается, он лежит на полу, ничком уткнувшись в него. Уткнувшись в промежутке между столом, на котором стоит компьютер, несколько минут тому назад служивший средством общения с группой слушателей, источавший голубой свет аквариумом, где беззаботно плавают рыбки, молчаливо взиравшие на его падение, и кушеткой, над которой висит картина, изображающая идущего по воде Христа и не обращающего на него ни малейшего внимания. До сознания доходит не столько сам факт происшедшего, сколько ответственность за то, что он должен найти в себе силы подняться с пола, сесть в кресло и продолжить чтение лекции.

Он не помнит, поднялся ли с пола сам или ему помогла сделать это дочь, но через какое-то время он уже сидел в кресле и пытался что-то говорить. Он помнит, что, извинившись перед

слушателями за случившееся, даже начал шутить. Кажется, успел рассказать об одном событии, когда на стук в соседней комнате прибежал молодой человек и, увидев упавшего со стула пожилого мужчину, спросил его, что случилось. На что услышал ответ: «Да ничего особенного. Просто упал пиджак, а я вот не успел из него выскочить».

Однако, несмотря на то, что в такой ситуации он смог прибегнуть к шутке, его состояние было не столь блестящим, чтобы продолжить чтение лекции. Мысли путались в голове и никак не выстраивались в последовательную цепочку, соответствующую намеченной логике изложения лекционного материала.

Судя по всему, видевшие его падение по Скайпу обеспокоенные слушатели выражали тревогу. Руководитель группы предложил перенести чтение лекции на следующий день. Но он полагал, что найдет в себе силы и сможет продолжить начатую работу и вместе с тем внутренне ощущал необходимость хотя бы небольшого перерыва.

Пришлось еще раз извиниться перед слушателями и сделать на короткое время перерыв, чтобы окончательно прийти в себя. Он рассчитывал, что 15–20 минут будет вполне достаточно, чтобы обрести прежнюю физическую форму.

Пересел с кресла на диван, сделал глубокий вдох и попытался расслабиться. В это время раздался звонок в дверь. Оказалось, что это прибыла «скорая помощь». К его удивлению, на то, чтобы доехать, «скорой помощи» потребовалось всего чуть больше десяти минут. Обычно в Москве на приезд «скорой помощи» по вызову требуется значительно большее время. То, что это случилось утром в субботу, когда на дорогах нет пробок, и то, что по воле случая «скорая помощь» оказалась недалеко от дома, обернулось большой удачей. Во всяком случае жена испытала значительное облегчение, когда врач «скорой помощи» начал осматривать ее мужа.

Врач послушал сердце, измерил давление, расспросил о случившемся. К тому времени он почувствовал себя значительно лучше и готов был продолжить так внезапно прерванное чтение курса лекций. Однако, обнаружив аритмию сердца, врач настаивал на том, чтобы отвести его на «скорой помощи» в больницу для обстоятельного обследования и оказания соответствующей медицинской помощи.

Испытывая чувство ответственности и вины перед слушателями, специально освободившими свое субботнее время для получения знаний, он не хотел уезжать. Но врач говорил столь убедительно о возможных последствиях перегрузки, а главное – жена и дочь так сильно настаивали на том, чтобы прислушаться к его совету, что ему не оставалось ничего иного, как последовать рекомендации.

Он наскоро собрал кое-какие предметы первой необходимости, взял с собой паспорт, медицинскую страховку и медицинскую карту. Надел кроссовки и вместе с женой, врачом и его спутником, который, судя по всему, был врачом-стажером, спустился на лифте к стоящей у подъезда «скорой помощи». Не без поддержки со стороны второго врача забрался в нее и сел рядом с женой, которая тревожно поглядывала на него, готовая в любую минуту оказать какую угодно помощь.

Завыла сирена, и «скорая помощь» помчалась по сравнительно незаполненным машинами улицам Москвы. Его подташнивало, заносило на поворотах, но он держался, как мог.

Через двадцать минут они прибыли в ту городскую больницу, где, судя по всему, оказалось свободное место для таких попавших в передрыгу бедолаг. Не успела «скорая помощь» остановиться, как врач с медбратом подхватили его и, осторожно поддерживая, несмотря на то, что он мог сам передвигаться, повели в неврологическое отделение. Там он был передан дежурному врачу-женщине, которая, выслушав сотрудников «скорой помощи», тут же отдала соответствующие распоряжения и, приняв документы, стала оформлять все то, что положено в таких случаях.

Ему вновь измерили давление, послушали сердце, взяли на анализы кровь и отправили на рентген, чтобы установить, нет ли каких-либо опасных последствий после падения с кресла на пол и удара головой.

Впервые в жизни он оказался в своего рода инвалидном кресле. Крупного телосложения медсестра покатила его к лифту и без особых усилий вкатила в него. Он пытался шутить, а медсестра отвечала тем же. Лифт остановился на каком-то этаже, медсестра подхватила коляску и покатила его в рентгеновский кабинет. Там ему сделали снимки и, убедившись в том, что у него нет никаких переломов и все в порядке с головой, отправили обратно к дежурному врачу.

В это время на другой «скорой помощи» доставили очередного пациента, которым тут же занялась дежурный врач. Его попросили подождать в коридоре, и он имел возможность общаться с женой, которая уже успела расспросить, что это за больница и от какой станции метро можно до нее добраться. Оказалось, что по иронии судьбы он находится в городской больнице № 13, что само по себе вызвало невольную усмешку. Не истерический смех, а именно усмешку, поскольку он воспринял номер больницы как некий вызов самому себе, если в чем и нуждающийся, то только в проявлении юмора по отношению к сложившейся ситуации.

Спустя пятнадцать минут, он вновь оказался в коляске и та же сестра покатила его к лифту, который доставил их на четвертый этаж. От лифта по коридору они направились к палате № 401. Он успел лишь в шутку сказать, что было бы кстати, если бы ему досталась палата № 6.

Так Левин оказался в шестиместной палате, в которой четыре кровати были свободными. На одной кровати, находящейся у противоположной от окон стенки лежал худощавый мужчина, который наблюдал за его прибытием и некоторое время после того, как он расположился в палате, представился: «Виталий». На другой кровати, находящейся на противоположной стороне палаты между двумя незанятыми койками, посапывал упитанного сложения мужчина. Виталий сообщил, что спящего мужчину зовут Николаем и что он еле говорит, точнее, в силу простуды говорит сипло и тихо.

Он выбрал кровать в одном ряду с кроватью Виталия, рядом с окном. Положил взятые с собой вещи в прикроватную тумбочку, начал осваиваться в палате. В целом вид палаты был более чем приличный. Чисто, запах немного затхлый, поскольку два больших окна были закрыты, но вполне сносный. Большая светлая комната, где вдоль стен в два ряда стоят по три кровати. При входе нечто вроде тамбура. По одну сторону его расположен туалет с раковиной, по другую – душ и раковина. В тамбуре стоит холодильник, куда обитатели палаты могут складывать продукты, которые приносят им навещающие родственники или знакомые.

Перекинулись с Виталием парой слов. Оказывается, он находится в больнице уже две недели. На правах старожилы он сообщил, что в выходные дни их особо беспокоить не будут и все необходимые процедуры, включая анализы, придется проходить и сдавать, начиная с понедельника. Причем его краткое сообщение сопровождалось такими нецензурными словами, которые не всегда услышишь при первом знакомстве.

Левин спросил Виталия, не будет ли он возражать, если немного открыть створки обоих окон, чтобы проветрить палату. Он был не против, тем более, что лежал на кровати в одежде. И действительно, после того, как створки окон были приоткрыты, в палате стало легче дышать.

Через некоторое время проснулся Николай. Виталий сообщил ему, что в их полку пришло. Тот что-то буркнул, но не проявил никакой заинтересованности. Немного полежав, с трудом сел на кровать. Потом, пошарив ногами и найдя на полу тапочки, обулся, встал с кровати, подошел к ближайшему от него окну и закрыл его створку. Молча вернулся обратно и снова сел на кровать.

Наблюдая за Николаем, и, видимо, желая ввести Левина в курс происходящего, Виталий прокомментировал:

– Бережет себя, хрен моржовый. Коновалы, мать их за ногу, довели мужика до такого состояния, что он, блин, потерял голос. Ну, ничего, Колян, мы еще погуляем. Не бзди, выйдешь из больницы, дернем, мать твою, по стопарику и споем. Будем орать, блин, на всю Ивановскую, чтоб чертям, мать твою, было тошно.

Представив себе, по всей вероятности, такую картину, Виталий чуть рассмеялся и, обращаясь к Левину, пояснил:

– Вот, блин, житуха! Чуть не угробили человека, едрёна вошь!

И, пересыпая крепкими выражениями свою речь, он поведал, что случилось с Николаем. Оказывается, тот лежит в больнице уже полмесяца. Привезли с повышенным давлением. Но, поскольку не было свободных мест в палатах, то его положили в коридор. Прележав там пять дней, Николай простудился. Скорее всего, уборщицы и нянечки добросовестно выполняют свою работу и, наводя чистоту в больнице, проветривают коридоры, чтобы выветрить запах хлорки. Как бы там ни было, но простуда так захватила Николая, что он осип.

Когда освободилось место в одной из палат, его перевели туда. Стали лечить и от последствий простуды. Давление стабилизировалось, но хрипы остались, и было трудно разобрать слова, когда он пытался говорить. – Вот такие дела, мать твою ити! – завершил свое пояснение Виталий. – Ничего, прорвемся. Держи, Колян, хвост пистолетом, и все будет, блин, тип-топ!

Николай молча слушал Виталия, потом, поправив рукой свалевшиеся на голове волосы, прохрипел:

– Сейчас стало полегче. Тихо, но могу говорить. А несколько дней тому назад вообще потерял голос.

После этого он привстал с кровати, открыл прикроватную тумбочку, достал пачку сигарет и зажигалку.

Виталий, следивший за его движениями, обрадованно кивнул головой:

– Правильно. Пойдем отравимся. А там глядишь и шамовку принесут.

Виталий и Николай направились, не спеша, к двери. По дороге Николай заскочил в туалет, а затем следом за Николаем вышел в коридор.

Левин остался один. Огляделся. Заметил, что край кровати Виталия приподнят. Так удобнее для ног. Присмотрелся к своей кровати, нашел соответствующий механизм и приподнял край кровати. Лег на нее, протянул ноги. Можно сделать чуть повыше. Встал, поднял край кровати на нужную высоту, снова лег.

Вот такое положение подойдет, тем более что в последние два месяца дома, ложась спать, он клал под ноги большую подушку. Приподнятое положение ног во время сна снимало опухлость одной ноги. Ту опухлость, которая в последнее время стала появляться к концу дня и которая вызывала беспокойство у его жены.

Осуществив соответствующие манипуляции с кроватью, он решил выйти из палаты, чтобы пройтись по коридору и, как говорится, сориентироваться на местности. Заодно заглянул в душевую и туалет, отметив про себя, что везде чисто, есть мыло, туалетная бумага.

Выйдя из палаты, увидел женщину, которая шла по коридору, держа в руке кружку с ложкой. Немного подождав, Левин пошел за ней следом и увидел столовую, где обедали пациенты. Оказалось, что сейчас время обеда.

До этого момента он был как бы вне времени. Все, что произошло с ним дома, по дороге в больницу и в самой больнице, не зафиксировалось никак во временном отношении. И только увидев пациентов за обеденной трапезой, он ощутил чувство времени. Захотелось «заморить червячка».

Левин зашел в столовую, спросил раздатчицу о том, может ли он ли перекусить. Она пояснила, что количество порций рассчитано заранее. Она может предложить ему только первое, а вот второго порционного блюда для вновь прибывших нет, чайник с компотом на отдель-

ном столе. Выдала кружку, ложку и сказала, что после еды все это необходимо забирать с собой в палату.

Он про себя подумал, что все возвращается на круги своя. Когда-то много лет тому назад ему довелось служить в армии. В то время там был такой порядок, что каждому солдату выдавали «персональную» ложку, которую, идя в столовую на завтрак, обед или ужин, он носил с собой за голенищем сапог. Вот и здесь, в московской городской больнице на какое-то время он обзавелся своей «персональной» ложкой. Теперь ему стало понятно, почему первая встретившаяся на пути женщина несла в руке кружку и ложку. Кружка нужна каждому пациенту, поскольку, помимо использования ее в столовой в палате, приходится запивать водой назначенные лечащим врачом таблетки. Тарелки после еды пациент относит на отведенный для этого в коридоре рядом со столовой отдельный стол. По завершении трапезы эти тарелки моют. На этом же столе, как оказалось, всегда находятся чайники с горячей водой. В любую минуту пациент может воспользоваться кипяченой водой. Что касается ложки и кружки, то их пациент должен содержать в чистоте сам. Вот такое разделение труда.

Вернувшись в палату, Левин вымыл кружку и ложку. Только разместил их в прикроватной тумбочке, как в палату возвратились Виталий и Николай. Последний тут же лег поверх одеяла. Не знаю, почему, быть может, для установления контакта, Левин спросил, одновременно обращаясь к обоим и в то же время ни к одному из них лично:

– Пообедали?

Николай ничего не ответил, а Виталий тут же изрек:

– Покурили, теперь можно, блин, и пожарь.

Поскольку ни тот, ни другой явно не собирались идти в столовую, то Левин осторожно заметил:

– А до какого часа в больнице обед?

– Хрен его знает, – незамедлительно откликнулся Виталий, в то время как Николай продолжал хранить молчание. – Мы с Коляном не ходим за жрачкой. Нам, ёшкин кот, приносят ее в палату. Мы ведь лежачие, блин. Правда, Колян?

Виталий засмеялся и, не дождавсь ответа от Николая, добавил:

– Принесут жратву, никуда не денутся, мать твою. А уж мы, блин, слопаем ее за милую душу, едрить твою через колено.

Это потом Левин понял, что, будучи первоначально лежачими, Виталий и Николай захотели сохранить за собой подобную привилегию. Несмотря на то, что они были в состоянии бродить по палате и даже выходить из здания больницы, чтобы покурить, и тот, и другой предпочел, что называется «обслуживание на дому».

Левину было интересно наблюдать за обоими мужчинами, которые каждый по-своему вели себя, находясь в положении больного. Виталий с охотой общался и делился своими размышлениями, сопровождая их привычными для него выражениями. Николай предпочитал больше молчать, хотя, как позднее оказалось, не прочь был и поговорить, если было подходящее настроение. Но их объединяло одно. Оба извлекали посильную выгоду от болезни.

В свое время основатель психоанализа Зигмунд Фрейд не только показал, как и почему некоторые люди убегают в болезнь. Подчеркнув, что болеть выгодно, он выделил первичную и вторичную выгоду от болезни.

Первичная выгода состоит в том, что, не имея возможности или воли для решения какого-то конфликта, возникшей проблемы, человек идет по линии наименьшего сопротивления и спасается бегством в болезнь. Поскольку отношение со стороны других людей к больному, как правило, совершенно иное, чем к здоровому, то тем самым убежавший в болезнь человек оказывается в выгодном для себя положении. Его жалеют, опекают. К нему не предъявляют тех подчас жестких требований, какие досаждали ему, когда был он в полном здравии.

Оказавшись в подобном привилегированном положении, больной человек не прочь использовать свои преимущества от болезни и впредь. Сознательно или бессознательно он начинает извлекать вторичную выгоду от болезни. И хотя болезнь может приносить ему невероятные страдания, тем не менее он не готов расстаться с ней, чтобы не лишиться приобретенной выгоды. Эта вторичная выгода от болезни может прирасти к нему как маска, которую человек постоянно надевает, чтобы скрыть свое истинное лицо. Тем самым бессознательно человек консервирует свою болезнь, используя в своих личных целях вторичную выгоду от нее.

Психоаналитику постоянно приходится иметь дело с подобным положением. При лечении обратившихся к нему за помощью людей он сталкивается с тем, что, несмотря на свои страдания, они как бы цепляются за свои болезни. Создается парадоксальная ситуация, когда так или иначе пациенты начинают оказывать сопротивление своему излечению.

Как такое может быть? Страдающий человек сам обращается к психоаналитику за помощью, тратит на это значительное время, которое может длиться несколькими месяцами и даже годами, платит за услуги подчас весьма значительный гонорар, но в то же время оказывает сопротивление своему излечению. И, если без всякой подготовки сказать ему, что он цепляется за свою болезнь, то он в лучшем случае не согласится, возможно, возмутится, в худшем же случае тут же уйдет, сочтя подобную точку зрения психоаналитика абсурдной, а его самого некомпетентным.

Но в том-то и дело, что сопротивление пациентов излечению является бессознательным. В большинстве случаев они ничего не ведают о нем, хотя в глубине души некоторые из них могут иметь смутные догадки о приобретенных ими преимуществах перед другими людьми, считающими себя здоровыми. Не отдавая себе отчета, они извлекают как первичную, так и вторичную выгоду от своей болезни. Поэтому психоаналитику приходится предпринимать определенные усилия для того, чтобы показать тому или иному пациенту, почему, как и зачем тот использует выгоду от болезни в своих личных целях.

Поведение Виталия и Николая было весьма типичным. В стенах больницы они воспользовались своей вторичной выгодой от болезни, которая проявлялась в их нежелании ходить в столовую даже после того, как их физическое состояние позволяло им делать это. Обретя определенную привилегию, они не захотели расстаться с ней. Выйти покурить на улицу – это, пожалуйста. А вот самому пойти в столовую – ни за что.

Не успели подобные мысли промелькнуть в голове Левина, как в палату вошел дежурный врач. Женщина назвала его фамилию и, услышав ответ, подошла. Пришлось сесть на кровать для того, чтобы врач смогла измерить артериальное давление и послушать работу сердца. Давление оказалось нормальным, а вот работа сердца, по ее словам, оставляет желать лучшего.

– Не беспокойтесь, – мягко сказала она. – Но вам придется принять лекарства, которые скоро принесет медицинская сестра.

После этого врач покинула палату. Поскольку во время своего визита она обратилась только к Левину, в то время как Виталий прохаживался по палате, а Николай продолжал лежать на своей кровати, стало понятно, что она приходила именно к вновь прибывшему в больницу пациенту.

Вечером эта же женщина-врач опять пришла. Вновь измерила артериальное давление и послушала сердце. Стало очевидно, что, как при первичном обследовании в приемной больнице, так и спустя несколько часов после определения пациента в палату, дежурный врач проявляет к нему надлежащее внимание. Левин не знал, во всех ли московских городских больницах соблюдается подобный порядок, но в этом отношении больница № 13 оказалась, что называется, на высоте.

Несколько минут после ухода врача в палату вошла раздатчица и принесла обед для Виталия и Николая. Посчитав свое присутствие во время их трапезы излишним, Левин вышел в коридор. После обеда не хотелось лежать, набирать лишние килограммы. Гулять хотя бы по

коридору все же значительно лучше, чем лежать пластом в палате и невольно ощущать запахи еды. Да и дома у него не было привычки отдыхать после обеда, как, впрочем, и после любого приема пищи утром или вечером. Кроме того, хотелось использовать свободное время для ознакомления с достопримечательностями городской больницы, в которой он оказался не по собственной воле.

Гуляя по коридору, как по замкнутому кругу, он обошел весь этаж. У столовой ознакомился с распорядком дня, когда по часам следует завтрак, обед и ужин. Там же узнал о том, что с десяти до двенадцати каждый день врачи совершают обход своих пациентов по палатам. Позднее понял, что это касается рабочих дней, а в субботу и в воскресенье лечащие врачи, как и все нормальные люди, отдыхают. При поступлении нового пациента в больницу свои функции выполняют дежурные врачи.

Он обратил внимание на реанимационное отделение, точнее, палату, в которой лежали пациенты, находящиеся в критической ситуации. Невозможно было их не увидеть, поскольку дверь была полуоткрыта, на кроватях лежали немощные пациенты, и одна женщина так стояла, видимо, от боли, что ее стоны доносились до тех, кто проходил по коридору.

Внимание приковала и та пациентка, которая лежала в коридоре напротив реанимационного отделения. Довольно полная пожилая женщина с трудом помещалась на кровати, одна ее рука лежала поверх прикрывающей ее грудь простыни, другая свисала вниз. Женщина тяжело дышала, пот проступал на ее лице, глаза были устремлены в потолок. Когда Левин проходил мимо, она никак не отреагировала. Наверное, не первый день лежит здесь и уже привыкла к тому, что врачи, медицинские сестры, обслуживающий персонал и больные ходят по коридору и не обращают на нее никакого внимания. Судя по всему, ее не могли поместить в реанимационное отделение, поскольку не было свободного места, как, впрочем, не было свободного места и в обычных палатах.

Когда он начал свое хождение по второму кругу, то сократил маршрут таким образом, чтобы не оказаться вновь у реанимационного отделения. Не то, чтобы картина была настолько тяжелой и удручающей, что он не мог этого видеть. Просто ему представлялось, что по-человечески было бы неэтично снова проходить мимо лежащей в коридоре несчастной женщины, которая находилась в столь плачевном состоянии.

Сделав малый круг мимо своей палаты, лифта и столовой, Левин заметил два рукава или отсека, которые отличались от остальных палат и комнат, в которых находились дежурный врач, медсестры, обслуживающий персонал. В этих отсеках стояли кожаные кресла и столик, было много различных растений и цветов в горшках, придающих уют. А главное, там был совсем иной, свежий воздух, поскольку были открыты фрамуги окон.

Он заглянул в оба отсека. В одном из них даже посидел в кресле и подышал свежим воздухом. Оказалось, что в этих отсеках расположены особые комнаты-палаты, в которых, в отличие от остальных палат, включая его шестиместную, есть телевизор. Одна из комнат была приоткрыта, и оттуда доносились звуки какой-то телепередачи. Стало очевидно, что эти комнаты предназначены не для простых смертных, а для тех, кому положены соответствующие удобства.

Позднее Левин спросил об этом Виталия как старожилу, который должен был знать, для кого предназначены более комфортабельные больничные палаты. И действительно, он не только знал об этих «элитных» палатах, но и рассказал, на кого они рассчитаны. Оказалось, что в них могут лежать простые смертные. Правда, за определенную плату. Комнаты рассчитаны на одного или двух человек. Никаких особых изысков по сравнению с обычными палатами, кроме возможности смотреть те или иные передачи по телевидению и, следовательно, наслаждаться просмотром телефильмов или быть в курсе последних новостей. И, конечно, можно отдыхать в отсеке, где свежий воздух, цветы в больших горшках на полу и в малых на подоконнике. И все это удовольствие стоит пятьсот рублей в сутки.

Виталик поведал о платных комнатах, когда Левин уже возвратился в свою палату. Поскольку в палате было душно и запах трапезы соседей еще не выветрился, ему пришлось открыть створку окна и задернуть штору, чтобы струйки свежего воздуха не беспокоили Николая, который, судя по всему, боялся вновь простудиться.

После обеда Виталий и Николай лежали на своих кроватях. Первый бодрствовал и был рад поделиться с Левиным информацией о платных апартаментах. Второй уже спал, неровно дыша и издавая слабые, прерывистые звуки.

Левин тоже решил немного передохнуть. Свернул одеяло, поскольку было слишком тепло в палате, полностью разделся, как это всегда делал в домашних условиях, подложил две подушки под спину, чтобы можно было сидеть, и прикрыл нижнюю часть тела простыней.

Выдав информацию о платных апартаментах, Виталик какое-то время смотрел в потолок, затем закрыл глаза. Левин же стал переваривать полученную информацию. При этом у него не возникло мысли о том, чтобы улучшить условия своего дальнейшего пребывания в городской больнице. Разумеется, пятьсот рублей в сутки – не такая значительная сумма, чтобы он не мог позволить себе подобное удовольствие, тем более что чувствовал себя довольно сносно и не рассчитывал задерживаться в больнице надолго. Другое дело, что затевать разговоры с администрацией больницы о переходе в платную палату не было никакого смысла.

В самом деле, хотя палата его пребывания была рассчитана на шесть пациентов, тем не менее в ней было пока трое мужчин. Причем и Виталий, и Николай были такими «соседями по несчастью», которые не доставляли особых хлопот и не раздражали. Напротив, с точки зрения особенностей характера, они представлялись ему своеобразными типами, знакомство с которыми может улучшить его понимание психики пациентов. До этого случая он имел дело только с теми пациентами, которые приходили к нему на прием и с которыми он общался пятьдесят минут в день, хотя и на протяжении разного времени, от нескольких недель до нескольких лет. Здесь же представилась редкая возможность почти двадцать четыре часа в сутки находиться в присутствии тех, кто лежал в палате, слышать их разговоры и включаться в них самому, наблюдать за реакциями других пациентов и отслеживать свои собственные.

Кроме того, наличие телевизора в больничной палате – не такое уж преимущество, ради которого стоит платить лишние деньги. И дело, разумеется, не в самих деньгах, а в том, что в силу непредвиденных обстоятельств есть возможность на несколько дней отключиться от экрана телевизора, не вбирать в себя в общем-то ненужную информацию, не смотреть развлекательные программы и надоевшие всем рекламные ролики. Есть возможность побыть вне телевизионного безумия. А если представить себе, что будешь не один в палате, а рядом с тобой в сравнительно небольшой комнате будет находиться глуховатый сосед, для которого телевизор – единственная отрада в жизни или, по крайней мере, в больнице, и он будет источником постоянного шума и раздражения, то такое удовольствие окажется малоприятным. Напротив, захочешь заплатить любые деньги за то, чтобы поменять комфортабельные апартаменты на шестиместную палату лишь бы избавиться от телевизионного шума.

К тому же вряд ли можно рассчитывать на то, что за пятьсот рублей в сутки лечение окажется более эффективным, чем у бесплатных пациентов. Скорее всего, плата относится только к относительному комфорту и пребыванию в одноместной или двухместной комнате. Врачи, медсестры и обслуживающий персонал одни и те же. Питание точно такое же. Лекарства, как и положено для городской больницы, в рамках установленного государством бюджета. Другое дело, что, возможно, врачи и медсестры будут не столько проявлять большее внимание и предупредительность, сколько своим видом показывать, что имеют дело с состоятельными пациентами, способными оплачивать дополнительные услуги. Да и то не факт.

«Так что, – рассуждал Левин сам с собой, – нет ни малейшего смысла менять «шило на мыло». Причем, судя по собственным ощущениям, я не в такой тяжелой физической форме, чтобы прибегать к дополнительным мерам, связанным с тем, чтобы мне были созданы особые

условия в больнице. Надо воспользоваться возможностью пребывания в обычной московской городской больнице, чтобы на своей собственной шкуре прочувствовать пусть не все, но хотя бы то немногое, что приходится испытывать рядовым гражданам, заболевших и оказавшихся вырванными из привычной домашней обстановки».

Волею случая ему предоставлялась возможность приобрести новый опыт. Фактически за семьдесят лет пребывания на этой грешной земле он впервые в жизни оказался в больнице. Если быть более точным, то на самом деле он второй раз попал в больницу. Правда, первый раз это случилось в детстве, но то время не зафиксировалось в его сознании, в результате чего у него не было никаких воспоминаний. Он не помнил никаких подробностей ни о том, как попал в больницу, ни о том, испытывал ли какие-либо переживания во время пребывания в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.